

Д
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

а л е к с а н д р
Г О Р С К И Й

**БОЛЬШАЯ
ИГРА**

Полковник Реваев. Дело особой важности

Александр Горский

Большая игра

«Центрполиграф»

2019

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Большая игра / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2019 — (Полковник Реваев. Дело особой важности)

ISBN 978-5-227-08765-2

У Максима Подгорного, сына бывшего губернатора, ныне уважаемого члена Совета Федерации, богатая на события жизнь. Он управляет крупнейшей в регионе телекомпанией, и это то, что доставляет ему настоящее удовольствие. Не забывает Максим и о бизнесе, перешедшем ему от отца. Макс любит свою семью и заботится о том, чтобы жена Марина и двое сыновей жили в комфорте и достатке. В то же время он не в силах отказаться от связей на стороне, измены стали нормой его жизни. Сам того не желая, Максим Подгорный оказывается пешкой в большой игре, затеянной политиками высших эшелонов государства вокруг передачи власти в огромной, великой и непредсказуемой стране...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08765-2

© Горский А. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Валерьевич Горский

Большая игра

© А.В. Горский, 2019

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Я уйожу

Южная резиденция, три недели до Нового года

Президент смотрел на заходящее в море солнце. Всего четверть часа назад оно слегка касалось горизонта и его лучи, словно зубцы гигантской янтарной расчески, зарывались в упрямые кудри волн. И вот теперь солнце тонуло в море, тонуло без всякой надежды на спасение, и последние отблески света, как крики о помощи, озаряли вечернее небо. «Еще немного, и все будет кончено, – подумал президент, – все когда-то заканчивается. Пора и ему заканчивать. Если уж даже солнцу нужен отдых...» Глоток коньяка, нагретого теплом руки, приятно обжег нёбо. Президент никогда не злоупотреблял алкоголем, считая эту привычку уделом слабаков и неудачников. Но за последние пару лет он стал настоящим ценителем благородного напитка. Коньяк он предпочитал армянский, вкус у него более мягкий, по сравнению с хваленым «Мартемом» или «Камю», да и Францию он недолюбливал. Человек сильной воли, предпочитающий полностью контролировать как себя самого, так и окружающих, президент редко делал более двух-трех глотков, наслаждаясь теплом, разливающимся по телу, и необыкновенным чувством легкости, которое охватывало его в эти минуты. Легкости не только и не столько физической, – куда-то исчезал груз многочисленных проблем, которым постоянно пыталось нагрузить его ближайшее окружение, груз ответственности за страну, за те решения, которые принял он сам, и, самое главное, за те, что были приняты от его имени людьми из его ближайшего окружения, его доверенными лицами.

«Доверенными», – усмехнулся президент. Как можно доверять тем, кого знаешь столько лет? Ты знаешь их, а они знают тебя. Знают слишком хорошо и слишком много. Проблема... решение этой проблемы было придумано много лет назад, и фраза «нет человека – нет проблемы» вызывала у президента искреннее восхищение. Коротко, ясно и, главное, результативно. Но жестоко. Слишком жестоко. Обладая почти абсолютной властью в огромной стране, президент никогда не был жесток. Ему иногда – чаще, чем хотелось бы, – приходилось делать жесткие, даже жестокие вещи, но он никогда не получал от этого удовольствия. Каждый раз, принимая осознанно жесткое решение, он чувствовал, как маленькая ледяная игла вонзается ему в сердце, со временем этих игл становилось все больше и больше, они вытесняли живую плоть, пре вращая сердце в ледяной комок. Первые иглы доставляли мучительную боль, эта боль была разной в зависимости от причины ее возникновения. Порой это была боль стыда за свое бессилие, когда даже его железная воля не могла победить природные и техногенные катастрофы, с пугающей периодичностью обрушивающиеся на огромную страну, боль сомнения в верности принятых решений, а иногда и боль разочарования, когда ближайшие соратники оказывались слишком слабыми или слишком жадными, а порой и то и другое одновременно. Но самой сильной и непрекращающейся была боль одиночества, после того как умерла жена, с которой они прожили душа в душу больше тридцати лет. Всегда тихая, незаметная, терпеливая, но такая любящая и преданная. Готовая бесконечно ждать и соглашаться – неожиданно устала. Устала бороться с болезнью, противостоять которой не смогли лучшие врачи. Не просто частица его жизни, а частица его самого ушла вместе с ней, и эта пустота заполнилась очередным кусочком льда в его сердце. Сыновья президента уже выросли, они жили своей самостоятельной жизнью и виделись с отцом совсем редко. Тот, кто всегда на глазах телекамер был окружен многочисленными помощниками, охранниками и восторженными почитателями, на самом деле был очень одинок.

Предшественникам было проще, промелькнула обида. Один, сволочь, всю страну чуть не пропил, а семья всегда была рядом, всегда тылы прикрывала. Может, конечно, потому, что делал все от души, а не по расчету. Пил от души, оркестром дирижировал, с моста падал, министров за столом пересаживал. Ну да ладно, чего героев прошлого вспоминать? Легкая улыбка чуть тронула уголки губ. Он и сам за эти годы неплохо потрудился. Да и лет этих прошло немало, кто бы мог подумать, что так все сложится. Но когда-то надо уметь остановиться. В этом и проявляется настоящий лидер. В конце концов, что может быть лучше глотка коньяка на закате, а ведь для этого не обязательно быть президентом, хотя, конечно, стоит позаботиться о пожизненном членстве в сенате.

С сожалением президент отставил недопитый бокал на мраморный столик. Вечерняя тьма неумолимо накрывала Черное море – черное, несмотря на утонувшее в нем минуту назад солнце. Президент встал. Настало время ему последовать примеру первого президента и сделать свой выбор, выбор преемника. И здесь было очень важно не ошибиться с расчетом.

В просторном остекленном павильоне президента ожидали четверо. Ожидание было напряженным, все четверо в той или иной степени недолюбливали друг друга, и единственным, что их объединяло, была верность ему. Была ли это верность искренняя, или это был банальный выбор человека, упорно строящего свое благополучие, можно было только гадать. Вероятно, за долгие годы вассальной службы одно смешалось с другим и было уже неразделимо, ибо одно слишком зависело от другого. Глава крупнейшей в стране нефтяной компании Иван Рудин, министр обороны Алексей Тукай, глава президентской администрации Сергей Петров и председатель Конституционного суда, бывший премьер, бывший хранитель престола Николай Оленин.

– Сергеич, а что на повестке дня? – первым перестал изображать безразличие самый молодой из присутствующих, Оленин.

Петров растянул тонкие губы в некоем подобии улыбки:

– Вопросов много, обсудить всегда есть что.

– Вот не строй ты из себя серого кардинала! – буркнул Рудин. – Я, когда тебя вижу, сразу Суслова вспоминаю.

Высокий, худой, с вечно недовольным лицом и пронизательными темными глазами, Петров и впрямь чем-то неуловимо напоминал знаменитого советского идеолога.

– А ты его сам-то видел, Суслова-то? – ехидно поинтересовался Петров.

– Видел, не видел... не важно, но когда на тебя смотрю, его представляю. Ты прямо скажи: тебе шеф говорил, о чем разговор пойдет?

Петров пожал плечами:

– Скоро узнаем. Я слышал, есть предложение Конституционный суд с Верховным разделить...

– Это чье же такое предложение? – вскинулся Оленин. – У нас тут один любитель все разделить и поглотить потом. – Он бросил быстрый взгляд на Рудина. Газпром даже чуть не разделил, но суд ему точно не нужен. – Ты, Борисыч, похоже, сам воду мутишь. – Маленькие глазки Оленина смотрели зло и недоверчиво.

А ведь он боится, удовлетворенно подумал Петров, боится... Бойся, Коля, бойся, может, и до тебя руки дойдут. Но явно не сегодня. Петров недолюбливал Оленина. Невысокий, полненький Оленин, с простодушным лицом и честными детскими глазами пионера, в свое время обошел Петрова в борьбе за кресло вице-премьера. И хотя уже минуло немало лет с того времени и каждый из них продвинулся еще дальше в своем карьерном росте, Петров не мог простить Оленину свое поражение. До сих пор он иногда задавал сам себе вопрос – почему президент сделал именно такой выбор, но не мог найти на него ответ.

– Шеф идет, – промолвил, вставая, единственный из присутствующих не участвовавший в перепалке Тукай.

– Добрый вечер, друзья мои! – приветствовал собравшихся президент. – Ну что, господа министры-капиталисты, рад вас видеть, – президент улыбнулся, мгновенно окинув всех внимательным взглядом, – а то я тут за три дня уже заскучать успел. Петров, правда, не дает расслабиться, бумаги на подпись все время подкладывает. Я поражаюсь, когда их только сочинять успевают... Камин затопили? Ну и славно! Коленка, капни мне коньячку самую малость для храбрости. Хочу с вами один вопросик обсудить щекотливый.

«Ему уже пятьдесят шесть, а он все Коленка, – Рудин презрительно взглянул на засуетившегося председателя суда, – а вопросик, судя по всему, весьма серьезный. Шеф из-за ерунды всех собирать не стал бы. Интересно, что президент задумал, он уже хоть и не молод, но сил и энергии на десяток сорокалетних хватит».

Президент сделал небольшой глоток коньяка, с явным удовольствием оглядел собравшихся и вымолвил:

– Итак, друзья мои, процитирую классика. Я устал. Я ухажу.

Воцарившуюся в зале тишину нарушало только негромкое потрескивание дров в камине. Собравшиеся соратники президента лишь переглядывались, пытаясь скрыть свои эмоции и понять настроение остальных.

– Сергеич, надеюсь, не в монастырь? – наконец разорвал молчание Рудин. – А то помню, Иван Грозный как-то в монастырь ушел и оттуда наблюдал, чего без него в государстве твориться будет.

– Нет, поближе, в Совет Федерации. Думаю, пожизненное сенаторство меня вполне устроит. О, Кириллову забыл позвать! Ну да ладно, она не обидится, пока обсудим все в узком кругу. Как, чего, когда, а главное – кто?

– А главное, зачем? – подался вперед до этого абсолютно невозмутимый Тукай. – Зачем, Сергеич? Куда уйдешь, какие сенаторы? Зачем нам в эти игры играть, чем мы хуже белорусов? Давно пора снимать эти ограничения на число сроков. Мы суверенное государство и сами решаем, кому сколько лет у власти быть. Чего на Европу коситься? Она этого не оценит. Они как завелись когда-то, так до сих пор половину санкций не сняли. Зачем нам эти рокировки?

Президент вскинул руку, призывая к молчанию.

– Нет, Алексей, это не рокировка. Я устал тянуть этот воз. Я вообще порой жалею, что не сделал этого раньше, ну да что теперь. А сейчас хватит. Я устал от всех этих бумаг, этих приемов, перелетов. От косяков ваших устал. Вы начудите чего, а все за моей подписью, все на благо... хотя у вас этого блага на сто поколений хватит. Вот и я поживу. Пока здоровье позволяет. Выплюсь наконец. Всё, закрыта тема, не злите меня. А будет скучно, буду в Совете Федерации выступать, все, кому скучно, все там кучкуются.

Тукай кивнул, он много лет знал президента и понимал его великолепно, если этот человек принял решение, то изменить его спорами невозможно.

– Я понял, Сергеич. Ты уходишь. Это ясно. Что дальше? Кто на новенького?

– Хороший вопрос, – усмехнулся президент, – актуальный. Было над чем подумать. А может, Алексей, ты кого посоветуешь? Или сам метишь?

В светло-серых, почти голубых глазах Тукая вспыхнули и тут же погасли маленькие угольки.

– Сергеич, ты знаешь, я везде за тобой. Как ты скажешь, так и будет. Скажешь – пойду и в президенты, а скажешь другое – пойду и в Совет Федерации досиживать.

– Не худшее место, чтоб досиживать, – вкрадчиво заметил Петров. – Я бы сам не отказался.

– Придет время, не откажешься, – объявил президент. – А пока о сменщике. Страна у нас большая и, увы, бестолковая. Стране нужна рука. Рука сильная, которая не даст пойти вразнос и всей этой пене либеральной повсплывать опять, а раз сильная, – значит, и молодая. Среди нас такого человека нет. Коля, ты только молчи! Я тут поразмыслил на досуге, перебрал вари-

анты. Вариантов немного. Уж больно все зачистили за последние годы, перестарались малость. Лидеров не видно, одни лизуны. В общем, так. – Президент встал и обвел взглядом присутствующих. Те торопливо поднялись со своих кресел. – На должность будем выдвигать Жамбаева. – Президент с усмешкой поднес палец к губам. – Тихо! Сейчас ничего не говорим. С мыслью надо вам всем переспать, а завтра обсудим детали. В десять жду в кабинете.

Президент быстро вышел из павильона, и стеклянные двери бесшумно закрылись за ним. Тукай молча опустил в кресло и закрыл лицо руками. Петров и Оленин продолжали стоять, глядя вслед удаляющейся фигуре сквозь панорамное остекление павильона.

– Мать вашу, ну как так?! – выдохнул Рудин и, опустошив до дна свой бокал с виски, вновь потянулся к бутылке.

Имя Жамбаева было всем присутствующим хорошо знакомо. Слишком хорошо. Так же, как был известен его жесткий характер и неприятие любых авторитетов, кроме действующего президента. Быть может, именно поэтому решение собравшего их человека настолько ошеломило всех в зале, что они, посидев еще некоторое время молча, так же молча разошлись по приготовленным для них гостевым апартаментам.

Кремль, два месяца спустя. Сорок семь недель до Нового года

– Ну, что скажешь? – Подгорный поставил на стол поднос с бутербродами и соком, добытыми после десятиминутного стояния в очереди делегатов партийного съезда.

– А что сказать? Буфетов могло бы быть и побольше, а в целом неплохо, кормят нормально. – Делегат от одного из восточных регионов Алферов, здоровяк с красным лицом, уже опустошил свою тарелку и прикидывал, стоит ли становиться в длинную очередь по новой.

– Да я не про жрачку, – Подгорный укоризненно вздохнул, – я про Жамбаева. Это ж дичь дикая. Ты представляешь, что он со страной сделает.

– Не, не представляю, – беззаботно ответил Алферов, – потому как ничего он не сделает. Не дадут. Не поддержит никто. Ты ж видел, когда Оленин его кандидатуру зачитывал, они там в президиуме все в столы уткнулись от стыда, а шум в зале какой стоял. Я даже матюки слышал. И это у нас. Мы номенклатура. – Он поднял вверх указательный палец, подчеркивая важность слова. – Мы, можно сказать, люди подневольные. А что там будет? – Алферов махнул рукой куда-то в сторону. – За кремлевским забором? Папа решил уйти, это его выбор, но так чудить напоследок даже ему не дано.

Подгорный нервно оглянулся.

– Ага. Не дано. А кто ему об этом скажет, ты, что ли? Раз на съезд вынесли – значит, в узком кругу уже все порешали и старцы со всем согласились. Да ладно, старцы, они со всем всегда согласны, им лишь бы старость спокойно встретить, остальное по барабану. Но голосовать-то нам... ладно, – он с сожалением посмотрел в сторону буфета, который штурмовали делегаты, – пошли в зал, в перерыве собрания по округам будут, ну а потом и нашего кандидата послушаем. Ты видел? Он даже галстук надел сегодня по такому случаю.

Жамбаев чувствовал неприязнь зала, чувство это было не новым и взаимным. Уже не один год он принимал участие во всех мероприятиях федерального масштаба, но отношение к нему за это время не изменилось. В глазах окружающих он видел в основном страх, иногда ненависть, но, как правило, все эти эмоции были прикрыты прозрачной вуалью искусственной радости или деланого безразличия.

– Уважаемые делегаты, уважаемый Николай Юрьевич! – Характерный акцент, усиленный динамиками, разнесся по залу.

Жамбаев произносил свою речь размеренно, делая паузы почти после каждого предложения, словно желая, чтобы его хорошо поняли и запомнили все сказанное. Подгорный отметил, что речь была написана великолепно. В ней отдавалось должное уходящему президенту и

ставились задачи, решение которых было необходимо для страны, для великой Родины и великого многонационального народа. И в авангарде этого великого народа должна стоять великая партия – наша партия, лучшие умы и сердца которой собрались в этом зале. Именно эти люди будут определять судьбу Родины в предстоящие годы, и новый президент будет проводником их мудрых решений.

А ведь он, по сути, обещает переход к парламентской республике, уловил мысль Подгорный.

– Ни одно значащее решение не сможет быть принято без воли всенародно избранного парламента, – развивал мысль Жамбаев, – а это значит, без воли партии, имеющей конституционное большинство в парламенте, без, – он повысил голос, – нашей с вами партии.

Зал впервые за день взорвался аплодисментами.

– А что, все складно говорит, – громко прошептал на ухо Алферов, – но все равно не выберут.

– А если да? – так же шепотом поинтересовался Подгорный, вытирая забрызганное слюной ухо.

– Этого не может быть. Потому что не может быть никогда! Ну, хочешь, замажем! Давай на ужин поспорим.

Сидевший перед ними секретарь средневосточного политсовета неодобрительно оглянулся. Подгорный, дождавшись, когда чиновник отвернется, протянул руку соседу:

– Спорим. На ужин. Ресторан я сам выберу.

Дебаты получились скомканными. В открытую выступить против никто не решился, но выступления сопровождалось таким количеством оговорок и предложений по ограничению президентской власти, что было ясно – кандидатура Жамбаева не устраивает делегатов. Оленин объявил получасовой перерыв. В буфеты вновь выстроились очереди. Неизвестно откуда прошел слух, что после перерыва выступит президент, чего не было запланировано, но вскоре, действительно, по увеличившемуся числу сотрудников федеральной службы охраны стало ясно – он приедет. Из-за усилившихся мер безопасности в зал заходили долго. Президент взошел на трибуну, когда стрелки часов уже приближались к девяти вечера. Аплодисменты были долгими и искренними. Это, может, где-то на Диком Западе досиживающий свой срок лидер превращается в хромую утку. У нас не так. У нас неизвестно, чего этот самый лидер выкинет, захочет – уйдет, захочет – вернется, а захочет – посадит на престол какого-нибудь мальчишка юриста и будет посмеиваться над всеми. Так и сейчас было до конца непонятно, действительно ли он решил уйти с политического олимпа и передать преемнику реальную власть, а не ее видимость.

После речи президента сомнения развеялись. Он уходит. Членство в Совете Федерации оставляло надежду на то, что при желании он сможет вернуться, но вероятность этого терялась в неопределенности будущего. А в настоящем над страной всходило новое солнце либо, в зависимости от восприятия, страну накрывала мрачная тень нового вождя. Жамбаева.

Президент поправил галстук на шее и обвел взглядом притихший зал.

– Коллеги, друзья, единомышленники! Сегодня мы примем, – он сделал паузу, – уверен, что примем историческое решение. Мы выдвигаем кандидата в президенты страны от нашей партии, человека, который будет нести ответственность за настоящее и будущее нашей великой державы, человека, который сможет претворить в жизнь наши с вами идеи и устремления, сможет превратить ваши законодательные инициативы в реальные дела. Я уверен, что новый президент и наша партия будут действовать как слаженный, неразрывный механизм, сосредотачивающий не только всю полноту власти в государстве, но и ответственность как за принятие решений, так и за их выполнение. И чтобы упрочить единство этого механизма, поступило следующее предложение: провести голосование по кандидатуре Жамбаева Батора Отхоновича в открытом порядке...

Алферов недовольно огрызнулся в телефонную трубку.

– Да! И я голосовал. Если решение при нято единогласно, то, значит, и я голосовал. А что ты хочешь, чтобы я гордо встал и послал всех в жопу? Да? Вместе с ипотекой? Любовь моя, давай дома поговорим, это не телефонный разговор, ты же понимаешь, а теперь особенно. Целую... Наливай. – Он повернулся к Подгорному, бесцельно перебиравшему кнопки на пульте телевизора.

– Да, давай помянем.

– Кого? – недоуменно поднял брови Алферов.

– Нас помянем, как мы, пятьсот мудаков, вместе собрались и Родину профукали. – Подгорный опрокинул в рот рюмку и шумно выдохнул: – Налей еще.

– Ты бы так сильно не заводился, Максим, – неодобрительно заметил Алферов. – Решение принято. Спор ты, кстати, выиграл. А с решением этим нам теперь жить, мало того, – толстый палец уткнулся Подгорному в грудь, – нам, и тебе в том числе, это решение надо довести до широких масс, так сказать, до их сознания или чего у них есть. Выборы должны пройти правильно. Сам знаешь, на процентовку смотреть будут. У кого в регионе проценты слабые, там политсоветы быстро обновляют. А ты из политсовета вылететь хочешь? Пра-а-авильно, не хочешь! А лицензии на свой телеканал лишиться хочешь? Тоже нет? Так что, друг мой Максимушка, давай поминки свои заканчивай и выпьем мы с тобой нормально, чокаясь, за нас с тобой, чтобы нам и при новой власти и работы, и почета хватало.

Рюмки звякнули. Выпив, Алферов довольно улыбнулся:

– Водка, Максимушка, она все смывает: и радость, и печаль. Универсально решает все проблемы.

Подгорный угрюмо кивнул:

– Да, как автомат Калашникова.

– Нет, брат, автомат – это не то, – скривился Алферов. – Водка дешевле и не так радикально лечит. – Он захихикал так, что затрясся второй подбородок. – Выпьем, Максимушка, выпьем! А завтра – будет день, будет похмелье.

Наутро похмелье действительно пришло вместе с необходимостью спешить в аэропорт. Всю дорогу до Шереметьево, сидя в такси, Подгорный боролся с накатывавшими приступами тошноты. Наконец, когда до аэропорта осталось совсем немного, он не выдержал.

– Останови, останови машину, – глухо сказал шоферу, сдерживаясь из последних сил.

– Здесь запрещена остановка, – ответил таксист и нажал на тормоз, лишь увидев, как побледневший пассажир на ходу пытается открыть дверь.

Пока Подгорного рвало за отбойник, водитель, невысокий темноволосый крепыш, курил, поглядывая на содрогающуюся спину пассажира, и в который раз философски размышлял о великом пьянстве великого народа, непобедимом и целеустремленном. «До последнего патрона пить будут, – почему-то подумал он, – до последнего».

Под утро столицу накрыл снег, он шел не переставая до самого позднего январского рассвета и сейчас еще не успел почернеть и впитать в себя городскую грязь даже вдоль оживленной трассы. Максим перелез через отбойник. Испачкав пальто, сделал пару шагов в сторону от магистрали и, наклонившись, набрал полную пригоршню снега. Обтер лицо, стало легче. Максим наклонился еще раз, зачерпнул немного снега в ладонь и положил его в рот, затем через пару секунд проглотил холодную воду. Хорошо-то как!

– Ну мы едем, командир? Под знаком ведь встали. – Таксист недовольно развел руками.

Подгорный ничего не ответил и пошел к машине, чувствуя, что набрал полные ботинки снега и что простуды не миновать. Сев в машину, он буркнул, не глядя на таксиста:

– Ну выпил лишка, у тебя не бывает?

– Нет, не бывает, я не пью, – так же не глядя на него, ответил таксист и провел рукой по болтавшимся на зеркале заднего вида четкам. – У нас не принято.

– Не принято у них... – Подгорный заметил характерный акцент таксиста. «У нас, кажется, скоро тоже это не будет принято», – промелькнула мысль. Но вслух говорить этого он не стал.

В аэропорт еле живой Подгорный добрался незадолго до окончания регистрации. В зале вылета бизнес-класса было на удивление многолюдно. Новогодние праздники уже отгремели, время семейных перелетов миновало, и это немного радовало. Хотя бы не будет бесконечных детских криков. Макс едва успел выпить бокал холодного пива и почувствовать небольшое облегчение, как объявили посадку. В самолете, укрывшись полученным от стюардессы пледом, Подгорный проспал все два часа полета.

В родном городе его встречали мороз, пронизывающий насквозь холодный ветер и улыбающаяся Настя. Подгоняемые ледяными порывами, они добежали до ее «мини-купера», припаркованного в дальнем углу стоянки. Настя завела машину, включила обогрев на полную мощность и с улыбкой повернулась к Максиму. На морозе щеки ее покраснели. В белом пуховике и вязаной красной шапочке, светловолосая, с огромными голубыми глазами, она напоминала сейчас Снегурочку. Макс потянулся к Насте и крепко поцеловал. Почувствовал, как раскрылись ее губы в ответ, и впился в них еще сильнее, сильным страстным поцелуем, которым и встречаются друг друга влюбленные после нескольких дней вынужденной разлуки. Одной рукой он обхватил Настю за шею, другая же пыталась расстегнуть молнию на ее куртке.

– Макс, ну не здесь же! – Девушка с трудом освободилась из его объятий. – Здесь люди ходят и тесно в машине, все равно не получится. Потерпи до дома.

Подгорный всем своим видом выражал страдание. Настя озорно улыбнулась ему, изобразила губами воздушный поцелуй и, опустив козырек на ветровом стекле, стала быстро стирать остатки наполовину съеденной Максимом алой губной помады. До города они добрались быстро, всю дорогу болтая о разных пустяках, перескакивая с одной темы на другую. Подгорный только начал рассказывать подробности своей столичной командировки, когда их оранжевый автомобильчик замер у подъезда типовой девятиэтажки, построенной еще в начале восьмидесятых. Ветер не стихал, и они все так же бегом бросились в подъезд. Макс начал раздевать Настю еще в лифте. Войдя в квартиру и скинув обувь, он повлек ее в спальню. По случаю необыкновенно холодной погоды девушка как следует утеплена и чем-то напоминала шерстяную капусту, и теперь Макс с азартом стягивал с нее один предмет гардероба за другим. С таким же нетерпеливым азартом помогала ему раздеться и Настя. Добравшись наконец до белья, Макс рывком повернул девушку спиной к себе и изо всех сил прижался к ней всем телом. Она чувствовала его возбуждение, чувствовала его руки, скользкие по ее телу и ласкающие грудь, живот, бедра... В ее ягодицы все сильнее упиралась вздыбленная мужская плоть, настойчиво требующая плоти женской. Настя завела руку за спину и взяла в ладонь эту страстную, горячую плоть. Уже и так достаточно возбужденная, она больше была не в силах терпеть и, потянувшись вперед, увлекла за собой Максима на незаправленную кровать.

Насытившись друг другом, они оба почувствовали явную потребность просто поесть. Накинув легкий халат, Настя убежала сначала в ванную, а потом на кухню, откуда вскоре донеслись манящие запахи свежесваренного кофе и немного подгоревшей яичницы. Выйдя из душа, Макс вспомнил, что уже несколько раз обещал купить новую сковороду, вновь сам себе пообещал это сделать непременно в этом году, вздохнул и, как был в одном полотенце на бедрах, отправился на кухню, навстречу манящим запахам.

Перекусивший яичницей и напившийся кофе организм недвусмысленно намекал на то, что можно вновь вернуться в спальню и еще раз заняться сексом, может быть уже не таким страстным, но зато более неторопливым и обстоятельным. Уверенная рука скользнула под халат, начала ласкать грудь, мгновенно откликнувшись на прикосновения. Макс почувствовал, как от касаний его пальцев твердеют соски, как Настя вздрогнула и подалась всем телом к нему.

В это мгновение заголосил телефон. Судя по мелодии, звонок был важный. Макс тихо чертыхнулся. Отвечать не хотелось, Подгорный посмотрел на экран, увидел имя звонящего ему человека и, чертыхнувшись еще раз, поднес телефон к уху. Несколько раз угукнув в трубку, Подгорный быстро завершил разговор коротким обещанием «скоро буду» и расстроенно посмотрел на Настю. Та, уже поняв, что Максу нужно уехать, тоже расстроилась и теперь, плотно запахнув халат и поджав красивые губки, всем видом демонстрировала свое недовольство.

– Ну не дуйся, малыш, – Макс наклонился и поцеловал Настю в щеку, – делать нечего, мне ведь надо отчитаться о своей поездке, в администрации ждут.

Настя разочарованно вздохнула и, схватив со стола свой мобильник, вызвала ему такси.

Макс не покривил душой, ему действительно звонили из областной администрации и там его действительно ждали. Вот только его еще очень ждали дома. Ждала Марина, его жена, и дети, уже, наверное, вернувшиеся из школы. Но этого он Насте говорить не стал. Настя это и так знала.

Глава 2

Непонимание

Семья Подгорных имела огромное влияние в своем регионе. Разные блогеры и прочие многочисленные завистники писали и говорили не иначе как о клане Подгорных. Вождем этого клана, пользовавшимся беспрекословным авторитетом не только в семье, но и во всей области, был отец Максима – экс-губернатор Среднегорской области, а ныне ее представитель в Совете Федерации Сергей Николаевич Подгорный. Отсидев почти два срока в кресле губернатора, в конце концов, обладая тонким политическим чутьем, он уловил взятый президентом курс на замену старых кадров в губернаторском эшелоне. Не дожидаясь, когда и его попросят на выход, да еще, упаси бог, сделают это с помощью Следственного комитета или ФСБ, он сам сначала лег на длительное обследование в Центральную кремлевскую больницу, а после, вооружившись заключениями врачей, отправился напрямик в администрацию президента. Посетовав на многочисленные болячки, которые всегда найдутся у шестидесятилетнего мужчины, и высказав сожаление о том, что в молодости мало занимался спортом, Сергей Николаевич выразил желание освободить дорогу для молодых и ярких политиков, имеющих на примете у федерального руководства, при этом изъявил готовность быть наставником и помощником нового регионального лидера, заняв скромную должность сенатора от своей области. Собеседник Подгорного – замглавы администрации, подтянутый лысый мужчина в очках, умное лицо которого несколько портил слишком маленький подбородок, – внимательно выслушал Сергея Николаевича и иронично улыбнулся.

– Вы, надеюсь, понимаете, что это, по сути, заявление на пенсию? Причем с этой работы вы уйдете точно, а вот насчет пенсии пока не ясно... В сенате и так тесно, он не резиновый. От вашей области там Мамаев, он, конечно, засиделся, но все не так просто, – человек в очках выдержал весомую паузу, – в любом случае решение будет принято не сейчас и не в этом кабинете.

Подгорный понимающе кивнул.

– О вашем заявлении президенту будет доложено в ближайшее время. Возможно, он вас захочет принять, так что будьте на связи. – Собеседник встал, давая понять, что разговор окончен, протянул руку Подгорному. – Но думаю, перспектива есть. – И еще раз улыбнулся.

И действительно, месяц спустя было объявлено о досрочной отставке Сергея Подгорного с должности губернатора Среднегорской области. Был назначен исполняющий обязанности, выходец из региона. Это был человек энергичный, на целых двадцать лет моложе Сергея Николаевича и имел опыт работы вице-мэром в столичном правительстве. Сергей Николаевич стал советником исполняющего обязанности губернатора, а спустя полгода, после успешного прохождения выборов в области, освободилось и кресло сенатора. Мамаев был, конечно, очень недоволен, но ему было уже за семьдесят, и в администрации президента с ним не особо церемонились.

Перекочевав в Совет Федерации, Подгорный, несомненно, потерял значительную часть своих полномочий, но и снял с себя тяжелый груз ответственности, сохранив при этом авторитет и влияние в своем родном регионе. С новым губернатором он сумел выстроить неплохие отношения. Будучи человеком, любящим деньги искренне и энергично, но не потерявшим здравый смысл, он уступил преемнику контроль над крупнейшими застройщиками жилой недвижимости региона, справедливо посчитав, что и своего собственного бизнеса, много лет назад зарегистрированного на сына, ему и семье будет вполне достаточно для безбедного существования. Отстроенные в годы его губернаторства два крупных торговых центра приносили

стабильный доход, а завод «Стальконструкция» был основным поставщиком всех строек не только Среднегорской области, но и соседних регионов.

В бизнес-коллекцию Подгорного входила и региональная телерадиокомпания. Она не приносила большого дохода, но добавляла весомости на местной политической арене и тешила самолюбие Сергея Николаевича. Он любил изредка приезжать в офис компании, понаблюдать за работой в студии, пообщаться с журналистами. Это отвлекало его от повседневной суеты и даже позволяло почувствовать себя моложе. Однако подобные визиты были не слишком частыми, не чаще трех-четырёх раз в год. Сергей Николаевич не хотел смущать ни сотрудников, ни директора компании. Ведь директором был не кто-либо, а его единственный сын Максим. Еще десять лет назад Максим стал и полноправным владельцем «Среднегорской информационной компании». Компания была перерегистрирована на его имя, и отец предоставил ему полную свободу действий, обозначив всего два принципиальных условия.

– Первое – компания должна быть прибыльной. Запомни, Максим. Это бизнес. А уже потом это новости, музыка и прочая дребедень. Бизнес обязан приносить прибыль. Не сможешь сам, поставь наемного директора, прибыль останется тебе. Но прибыль должна быть, вливаний из других проектов не будет.

Второе правило, которое было четко обозначено: работа компании не должна создавать проблем для остальных направлений работы и для семьи в целом.

– Показывайте что хотите, но, сынок, помни, у нас в стране и сын за отца и отец за сына отвечали и отвечают всегда. Отношения испортить легко, укусить можно кого угодно. Только и в ответ могут взять палку и прибить тебя, как собаку бешеную. Надеюсь, ты меня понимаешь? На местном уровне, в принципе, почти все можно разрулить, но и тут не надо в крайности кидаться. Мы здесь большой кусок закваски, но не самый уже огромный, пожрать могут и нас.

Максим улыбнулся. Отец, с детства обожавший Джека Лондона, частенько любил приводить примеры из его книг.

– А центр вообще не трогай. Большая политика не для местной прессы. Если уж совсем попа чешется, ну покритикуйте чего, но только не главного! Если хоть одно слово о нем напишете, я вас сам закрою раньше всякого госкомнадзора.

– Да понял я. – Максим нетерпеливо ерзал в кресле.

Подгорный-старший вздохнул:

– Надеюсь, что понял. Время покажет. Не подведи меня, сынок!

Максим и не подводил. Переименованная им на английский манер в «Middle-медиа» компания приносила неплохой доход и уже не первый год имела отличный для региональной компании рейтинг. Запущенный чуть позже сайт «Миддл-лайф» балансировал на самой грани дозволенной оппозиционности, чем привлекал молодежь и сетевую рекламу, а телевидение и радио работали в более сдержанном формате с претензией на отстраненную объективность. Эдакий взгляд со стороны. Стороной этой, правда, был Максим Подгорный. Он ежедневно вычитывал шедшие в эфир сводки новостей и просматривал сценарии и заготовки вопросов к авторским программам на телевидении с приглашенными гостями. Благодаря Подгорному бренд «Миддл» стал известен даже за пределами области. Еще Максим раз в месяц вел программу «Мина у камина», где в непринужденной обстановке гостиней одного из закрытых загородных клубов города общался с приглашенными гостями – людьми хорошо известными в городе и области. Общение, как правило, было достаточно неформальным, формат был почерпнут из старой программы четвертого канала «Герой дня без галстука».

На канале программу давно закрыли, в стране был только один герой, все остальные были просто исполнителями, и формат передачи не мог отвечать запросам центра. В регионе со съемками передачи тоже все было не так просто, как хотелось бы Максиму. Изначально он предполагал выходить в эфир еженедельно, и так оно и было некоторое время. К сожалению, выяснилось, что, во-первых, в области не так много персонажей, интересных зрителям, и

вскоре придется повторяться, а во-вторых, оказалось, что не так много героев, готовых перед камерой отвечать на вопросы. Среди которых рано или поздно оказывался и «пельмень с сюрпризом», как говорил Максим, или та самая мина.

Журналисты телеканала вместе с Подгорным заранее готовили соответствующий материал к центральному вопросу программы. И порой этот материал заставлял гостя передачи краснеть, потеть и заикаться. Передачу пришлось сделать ежемесячной. Однажды не удалось договориться ни с одним потенциальным кандидатом, и тогда Максим поступил жестко. Он подготовил и выпустил в эфир сюжет о министре дорожного строительства региона, снабдив его такими материалами и такими комментариями, что дело кончилось громким скандалом и отставкой министра. После этого выпуска приглашенные гости уже предпочитали не отказываться от участия в программе, хотя не раз обращались к Подгорному-старшему с просьбой смягчить подачу материала. Тот в ответ лишь разводил руками, мол, все по-честному, в работу журналистов никто не вмешивается.

Сергей Николаевич обожал сына, ценил его энергию и деловую хватку. Он был одним из тех счастливых отцов, которым повезло увидеть в сыне молодую, улучшенную копию самого себя. Максим был так же высок и широкоплеч, как отец, однако, в отличие от Подгорного-старшего, уже облысевшего полностью к сорока годам, Макс в свои тридцать восемь сохранил густую шевелюру. Несмотря на то что Подгорный-младший любил в пятницу вечером уйти в хороший загул, на протяжении всей рабочей недели он не злоупотреблял алкоголем и не забывал посещать фитнес-клуб, где, с удовольствием потягав железо, с еще большим удовольствием перемещался в зону единоборств. Еще будучи подростком, а затем студентом, Макс увлекался боксом и, победив на областном первенстве, даже получил заветный первый разряд. В голове уже были честолюбивые планы на чемпионат в столице, однако на следующее утро после своей победы, которая далась ему нелегко, Максим проснулся и понял, что мир вокруг него изменился. Все предметы были расплывчатыми, он ни на чем не мог сфокусироваться, перед глазами мелькали светящиеся точки. С трудом дойдя до ванной комнаты, Подгорный-младший уставился в зеркало. Чтобы лучше увидеть себя, он наклонился вперед и уткнулся носом в стекло. Максим смотрел в мутное стекло, в свои широко раскрытые, испуганные глаза и постепенно понимал, что изменился не мир вокруг него, изменился он сам. У него были явные проблемы со зрением. Визит к окулисту и диагноз отслоение сетчатки поставили крест на дальнейших профессиональных занятиях боксом. После проведенной операции Макс больше года вообще не посещал спортзал, но потом понемногу вновь вернулся к тренировкам. Однако в боях он больше не участвовал. Пропустить хотя бы один удар в голову для него теперь было слишком опасно, окончательно ослепнуть Макс не хотел.

Сергей Николаевич был уверен, что со временем управление всей семейной бизнес-империей перейдет к сыну, а пока Максим был лишь формальным владельцем акций всех семейных предприятий, получая в свое личное распоряжение четверть от чистой прибыли. Ежемесячно это приносило Максиму немалую сумму, но и одного только основного дохода, получаемого от медиакомпании, хватало на то, чтобы сделать семью Подгорных любимыми клиентами дилера «Мерседес» во всем Среднегорском регионе. Последние два года жена Макса Марина перемещалась в городском пространстве на ярко-красном купе Е-класса и с нетерпением ожидала появления в салоне обновленной модели, которая уже была презентована на автосалоне во Франкфурте. Максим же был обладателем «гелендвагена» индивидуальной сборки. Машина была бронирована, оснащена системой спутниковой связи и тревожной кнопкой вызова группы быстрого реагирования, которые могли найти машину по сигналу GPS. Черный матовый куб, украшенный номерами с тремя тройками, был любимой игрушкой и лучшим другом Подгорного.

Эту почти идеальную, как могло показаться со стороны, картину счастливой семейной жизни омрачало лишь одно обстоятельство. Макс слишком нравился женщинам, а женщины слишком нравились ему. В общем, Максим Подгорный был кобель.

Жизнь – это синоним неравенства. Неравенство – это то, с чем мы сталкиваемся с самого рождения и до самой смерти. Кто-то появляется на свет в комфортных условиях, в окружении нескольких суесящихся людей в халатах, под присмотром видеокамеры, которую держат дрожащие руки теряющего сознание отца. Кто-то же вылупляется в обшарпанном помещении районной больницы, и первое, что слышит в своей жизни, это раздраженное высказывание о том, что дежурный врач тоже человек и хочет спать и что с родами можно было и потерпеть до утра, когда придет новая смена. А дальше все только хуже. Человек взрослеет, и он начинает осознавать это неравенство. Не все упирается только в деньги. Это понимает каждый мальчишка, которого первый раз отлупил за школой местный качок, и каждая девчонка, когда на медленный танец на выпускном пригласят не ее, а более симпатичную подружку. Ведь у нее такой милый носик! Да, жизнь не равна, причем неравенство бывает как индивидуальное, так и коллективное, или, можно даже сказать, групповое. Счастливчики, имеющие в своем институте военную кафедру, не идут в армию, а если вы, к примеру, работаете в силовых органах или военный, то пойдете на пенсию уверенным строевым шагом гораздо раньше того бедолаги, который всю жизнь проработал на стройке.

Существует и ярко выраженное неравенство между мужчинами и женщинами. За последние сто лет оно, несомненно, сократилось при явном попустительстве мужчин и настойчивости женщин. К примеру, дамы стали носить брюки, хотя мода на юбки до мужчин так пока и не добралась. Женщины стали играть в футбол, заниматься боксом и боями без правил. Однако в этих видах спорта все признают значение полового признака, и прекрасные амазонки избивают на ринге только своих соплеменниц, не пытаясь сразиться с небритыми самцами. Несколько странным кажется, что на фоне всеобщей эмансипации сохраняются отдельные чемпионаты по шахматам. Очевидно, мозг – это все-таки мышца, и, как считают организаторы шахматных турниров, эта мышца развита сильнее у мужчин.

Сохранилось неравенство и в такой важной для каждого половозрелого человека сфере, как секс. Самим сексом заниматься, конечно, могли и могут и те и другие. Велика разница в общественном восприятии этого замечательного явления. К примеру, после прекрасной бурной ночи, полной шампанского и смятых простыней, некая дама приходит в полицию и заявляет, что ее опоили и, воспользовавшись слабостью, совершили с ней развратные действия. Что произойдет с ее незадачливым кавалером? Скорее всего, его потащат в кутузку, где он может с успехом провести несколько месяцев, а то и лет в ожидании справедливого суда. Вообразим себе и совершенно, извините, невообразимую ситуацию, когда наутро с таким же заявлением в полицию приходит молодой человек. И пусть даже в качестве улики он предъявит пустую бутылку шампанского и мятую простыню, результат для него будет, скорее всего, печален. В основном варианте развития событий его просто поднимут на смех и выкинут вон из отделения. Но может быть гораздо хуже, когда для уточнения фактов доставят ночную партнершу несчастного, а та, не будь душой, заявит, что все было с точностью до наоборот и она сама жертва. И что ждет парня? Правильно – наручники, кутузка, справедливый суд.

Суд, кстати, у нас всегда, несомненно, справедливый, об этом явно говорит один лишь факт того, что число оправдательных приговоров составляет порядка ноль целых две десятых процента от общего числа. Это значит, что в вашем деле, по какой бы причине оно ни возникло, суд будет разбираться тщательно до тех пор, пока не найдут, за что вас все же можно на несколько лет изолировать от остального общества.

Но есть в общественном восприятии секса и такой аспект, где мужчины явно выигрывают, во всяком случае они сами так считают. С молодых лет, покорив, как говорят, очередную вершину, – хотя неясно, какое отношение имеет секс к скалолазанию, скорее это из сферы

неглубокого бурения, мужчина вешал некий виртуальный трофей на свою столь же виртуальную доску почета. Чем больше этих трофеев, тем лучше, и в любом случае у каждого уважающего себя самца их должно быть не менее десятка. Мужчины любят собираться в компании, выпить пива или чего покрепче и похвастать друг перед другом этими своими призовыми досками, поделиться воспоминаниями об особо сложных победах. Особым шиком всегда считалось добыть два, а лучше даже три трофея за один день. Такого самца обычно завистливо окружали остальные, похлопывали по плечу и с придыханием восторженно говорили: «Ну ты красавчик!»

С женщинами все обстоит с точностью до наоборот. Трудно представить себе трех подружек, пьющих кофе в «Шоколаднице» и хвастающихся друг перед другом числом кавалеров за неделю. А уж фраза «Я вчера Серегу из юротдела, потом Митю из транспортного, а вечером с Гришей на складе, жаль Серега не пришел, а то бы втроем замутили» может быть только цитатой из ненаучно-фантастического фильма ужасов или немецкого порно, что, в принципе, одно и то же.

Общество смирилось с подобным противоречивым отношением к одному и тому же проявлению сексуального недержания. Мы можем купить в аптеке таблеточки с милым названием «Ловелас» или презервативы «Дон Жуан», но ведь никто не назовет средство женской контрацепции «Шлюха». Потому что «шлюха» звучит унижительно, а «ловелас» – это красиво. Кому интересно копаться в толковом словаре, ну, или, на худой конец, в Википедии, чтобы узнать, что «ловелас» и «шлюха» – это, в общем-то, синонимы, ведь, как утверждают словари, «ловелас» – это «распутник, волокита», а говоря по-простому – кобель.

Так вот, Макс был заядлый ловелас. К тридцати восьми годам его «доска почета» ломилась от немислимого количества добытых им призов. Однако то время, когда эти трофеи были предметом его если не гордости, то хотя бы мужского тщеславия, уже давно прошло. Подгорный уже одиннадцать лет как был женат. Марина, его жена, с интервалом в два года родила ему двух сыновей, которые уже ходили в школу. В общем, все было за то, что пора бы остепениться, да и возраст, медленно, но верно приближавшийся к сорока, намекал на то же самое. И Макс был с этим абсолютно согласен, он и сам уже не получал былого удовольствия от новых приключений, которые к тому же могли разрушить его семью. Но как старый охотничий пес, почуявший добычу, делает стойку, так и Макс при любом случайном знакомстве с симпатичной представительницей прекрасного пола на мгновение замирал и, успев за это мгновение оценить все последующие перспективы развития событий, устремлялся на абордаж. За редким исключением, которым и была Настя, все увлечения Макса были крайне недолгими, порой он прерывал знакомство на следующее утро после удачно проведенного вечера. Иногда Подгорный сам не понимал, зачем он все это делает, и как пробудившийся с тяжким похмельем алкоголик зарекается пить, тоже давал себе обещания начать жизнь примерного семьянина. Но как и алкоголик при виде спиртного забывает свои недавние обещания, так и Макс при виде очередной красотки забывал обо всем.

Среднегорская область. Сорок три недели до Нового года

Люди, сидевшие в кабинете губернатора Среднегорской области, чувствовали себя в нем более уверенно, чем хозяин кабинета. Во всяком случае, тему разговора задавали они, и условия собеседнику озвучивали тоже они. Представителями Жамбаева были два крепыша, каждому из которых не было еще и тридцати. С типичной восточной внешностью, широкими скулами, темноволосые. Оба в дорогих черных костюмах и лакированных туфлях, у обоих аккуратно подстриженные небольшие бородки. Они внешне походили на успешных банкиров или юристов, однако манеры речи и поведения выдавали в них людей, проводящих больше времени в тренажерном зале или на борцовском ковре, чем в рабочем кабинете. Губернатор,

сам мужчина не робкого десятка и крепкого телосложения, физически ощущал исходящую от его визитеров силу и слабо прикрытую вежливым обращением агрессию. Сидящие напротив него люди не любили слышать слово «нет», а тот, кто их послал, и вовсе уже давно такого слова не слышал.

– Итак, уважаемый, – обратился один из визитеров, представившийся Тагаром, к губернатору. – По рекламе мы все решили. Баннеры вешаете по всей области, ролики запускаете... На, держи флешку. – Он неожиданно повернулся к помощнику Сергиевича и бросил ему в руки маленький блестящий предмет.

Худощавый юноша неловко вскочил с кресла, пытаясь поймать флешку, но не сумел и, покраснев, поднял ее с пола.

– Ты что, криворукий? – прикрикнул на него Тагар. – Иван Юрьевич, кого ты себе набрал? Он же беспомощный.

Помощник губернатора еще больше покраснел и устался в пол, избегая смотреть на неприятных посетителей.

– Ну ничего, придет время, мы из него мужчину сделаем, – Тагар бросил презрительный взгляд на молодого человека и ухмыльнулся, – а не получится, так, значит, к женщинам его отправим, пусть посуду моет.

– Давайте вернемся к теме разговора, – сухо перебил Сергиевич.

– Давай вернемся, уважаемый. – Тагар медленно перевел взгляд на губернатора, причмокнул губами и медленно, словно подчеркивая важность каждого слова, произнес: – Батор Отхонович ожидает получить в вашей области не менее семидесяти процентов голосов.

– Ожидать-то, конечно, можно, – губернатор старался держаться как можно увереннее, – но опросы таких цифр не показывают. Через половину бы перевалить, все только на авторитете президента держится.

– А где твой авторитет? – подался вперед Азамат, второй из визитеров. – Ты что, ничего не можешь? Зачем ты здесь сидишь тогда?

– Почему вы мне тыкаете? Не в своем ауле, – повысил голос Сергиевич.

– А ты радуйся, что ты не в нашем ауле... пока, – агрессивно отозвался Тагар. Все условности в мгновение были отброшены, и напротив губернатора сидели два хищника. – Мы к тебе от такого человека приехали, что можем и тыкать, и мыкать, и чего нам надо делать. Если ты здесь хоть что-то представляешь, то результат выборов обеспечишь, и тогда, – он сделал паузу, – будем решать, останется здесь губернатор Сергиевич или к нам в аул поедет.

Губернатор и его помощник ошеломленно молчали. Таких неприкрытых угроз никто не ожидал, но не приходилось и сомневаться в реальности этих угроз. На что способны люди Жамбаева, знали все. Удовлетворенный реакцией губернатора, Тагар пригладил свою и без того идеальную бородку и вальяжно откинулся на спинку кресла.

– А теперь, губернатор, когда ты все понял, поговорим о другом вопросе. В августе Батор Отхонович выигрывает выборы, а в октябре будет инаугурация. Это понятно?

Сергиевич молча кивнул.

– Так вот, в день инаугурации... ну до чего слово сложное! – пожаловался он. – В день инаугурации по всей стране, во всех крупнейших областных городах будут заложены новые мечети. Сейчас уже начали прорабатывать проекты, как только Батор Отхонович утвердит эскизы, их сразу пришлют. Так что тебе надо подумать о месте под строительство.

– Но в городе есть мечеть, причем не одна, – возразил губернатор, – а доля мусульманского населения совсем не велика в нашем регионе.

Тагар насмешливо посмотрел на Сергиевича.

– Губернатор, ты же должен думать о будущем. Не только своем будущем, о будущем детей. Я не о твоих детях сейчас говорю, не бычься. Я говорю обо всех детях. Сколько рождается детей в средней семье? Я тебе отвечу – один и две десятых. Это по стране. А сколько надо

для полноценного воспроизводства нации? Минимум два! Два ребенка в средней семье. Вы вырождаетесь. А в нашем крае в средней семье рождается три-четыре ребенка. Да и почти в каждой мусульманской семье в любой стране мира вне зависимости от национальности рождаемость втрое выше, чем у христиан. Это простые факты, губернатор, но на них строится будущее, будущее всей страны. И даже не только этой страны. Ты удивлен, что я все это знаю? Ну так ведь и мы не дикие люди. Не надо нас недооценивать.

Тагар довольно улыбнулся, неожиданно подмигнул Сергиевичу.

– Возвращаясь к мечети. Место должно быть хорошее, центр города, и сразу говорю, площадь застройки планируется большая, участок ищи не меньше чем три гектара, а лучше все пять выделяй.

– Да как вы себе это представляете, – возмутился Сергиевич, но Тагар, встав, заставил его замолчать. Азамат тоже легким стремительным движением вскочил на ноги. На мгновение Сергиевич подумал, что сейчас его ударят прямо в собственном кабинете. Но стоящий перед ним мужчина, внимательно посмотрев на собеседника, лишь произнес:

– На все воля Аллаха. Постарайся и найдешь, Иван Юрьевич. – Тагар усмехнулся. – Ты же губернатор... пока. Вот и рассмотри варианты.

На этом разговор был закончен. Эмиссары Жамбаева молча вышли из кабинета губернатора, а тот еще долгое время сидел в оцепенении, крепко сжимая кулаки и пытаясь прийти в себя от пережитого страха и унижения. Помощник так же тихо сидел в своем кресле, мечтая о том, как бы сделаться невидимым, а еще лучше оказаться где-то далеко и от этого кабинета, и от его неожиданных посетителей.

Разъяренный медведь, выпучив глаза, неотрывно смотрел на огромного кабана. Тот, тоже не мигая, уставился на своего противника. Огромные клыки вепря выглядели устрашающе, однако хозяин тайги был, несомненно, сильнее. Со стороны за этой схваткой, которая вот уже пару лет не могла ни начаться, ни кончиться, наблюдала голова огромного лося. Ее стеклянные глаза безучастно смотрели на противостояние таких некогда грозных и таких беспомощных теперь противников.

Сергей Николаевич Подгорный отправил в рот последний кусок стейка и с явным сожалением оглядел пустую тарелку. Всегда любивший вкусно и плотно поесть, с возрастом он постепенно начал все больше злоупотреблять этим пристрастием. И только ласковое похлопывание любящей жены по его округлившемуся животу сдерживало его от того, чтобы окончательно скатиться в пропасть ожорства. Но сейчас жены рядом не было. По другую сторону стола сидел его сын Максим и также с большим удовольствием расправлялся со своей порцией. Они находились на втором этаже клуба-ресторана «Гризли», открытого Подгорным-старшим несколько лет назад. Как и многие подобные заведения, открываемые в пусть и крупных, но провинциальных городах представителями местной элиты, «Гризли» не приносил большой прибыли, а был одной из дорогих игрушек, тешащих самолюбие владельца. Задачу управляющему клубу Сергей Николаевич сформулировал кратко – чтобы все было на высшем уровне. И управляющий, высокий худощавый брюнет с изящными чертами лица и тонкими нервными губами, с поставленной задачей справлялся на отлично. Кухня заведения была просто великолепна, а персонал он лично школил изо дня в день. Все это одновременно приносило и славу отличного заведения, но и служило источником огромных расходов, пожиривших фактически всю, пусть и немалую, выручку. Подгорный был управляющим доволен. Считая, что внешность его чем-то напоминает испанца, он переименовал его из Михаила в Мигеля, и теперь так к нему обращались и сотрудники заведения, и посетители ресторана, успевшие познакомиться с расторопным «испанцем». Однажды, находясь в изрядном подпитии, Сергей Николаевич даже пообещал Мигелю оставить ему ресторан в наследство и с тех пор иногда, находясь в особо благодушном настроении, звал его не иначе как «наследничек».

Закончив с обедом, Подгорный промокнул губы салфеткой и протянул руку к бокалу с красным сухим вином. Подняв бокал на уровень глаз, он пару секунд разглядывал что-то видимое лишь ему, затем сделал большой глоток и с удовольствием причмокнул губами.

– Вино отличное, попробуй хоть немного.

– Батя, ты же знаешь, я по будням стараюсь не пить, за выходные успеваю накачаться. – Максим взял в руку бокал, покрутил в пальцах его тонкую ножку и поставил на место.

– А ты попробуй хоть раз выпить, но не нажраться. – Лицо старшего Подгорного посурилось. – Да и что за хрень ты пьешь постоянно, виски, кола, это же надо додуматься! Ты ведь этой гадостью и желудок себе убьешь, и мозги, если там чего и было.

– Спасибо, папа, – буркнул Макс и раздраженно откинулся на спинку кресла, словно стараясь быть подальше от родителя.

– Да всегда пожалуйста, сынку. – Губы отца растянулись в холодной улыбке. – Ты своим вискарем, намешанным, себе все нутро прогазировал, у тебя ж небось вся голова в пузырьках.

– Может, сменим тему? – Раздражение Максима нарастало, но просто встать и уйти он не решался.

– Может, и сменим. Но ты меня постарайся слышать, твои пятничные забеги в ширину меня расстраивают. И мать, кстати, тоже. – Подгорный помолчал. – Маринку хоть немного пожалей.

– А ей-то чем плохо живется? – Возмущенный Максим подался вперед, заглянул в глаза отцу. – Живет как в раю, ничего не делает, могла бы хоть ради интереса каким-то делом заняться!

Максим почувствовал, что от раздражения у него пересохло во рту, и залпом выпил почти все вино в бокале. Вкуса он не почувствовал, и от этого раздражение только усилилось. Отец молча смотрел на него, потом глубоко и медленно вздохнул, сел поудобнее в кресле.

– Как ты думаешь, сынок, а она тебя еще любит?

От неожиданного вопроса Максим замер.

– Заметь, я не спрашиваю, любишь ли ты ее. Мне кажется, ты уже утонул в своем эгоизме, – отец вскинул руку, не давая Максиму перебить себя, – но она ведь любила тебя когда-то, она ведь замуж за тебя по любви пошла, а не за всей этой позолотой. И к жизни этой, как ты говоришь, райской, ты сам ее приучил. Только кто в итоге стал счастлив от этого?

– Я не пойму, – Максим обернулся убедиться, что официант стоит достаточно далеко, – ты хочешь сказать, что Маринка изменяет мне?

Подгорный-старший удивленно посмотрел на сына и постучал по столу костяшками пальцев.

– Кто там? Я вырастил идиота? Насколько я знаю, из вас двоих на сторону гуляешь только ты, причем с завидной регулярностью. А Марина все это терпит... пока. Как думаешь, надолго у нее терпения еще хватит? Ты думаешь, ей еще есть зачем это все терпеть? Ради детей? Ваши дети не так уж малы. Скажи, что ты сможешь им ответить, когда они тебя спросят, где ты торчишь вечерами?

Максим решительно поднялся из-за стола.

– Я, пожалуй, поеду. Спасибо, папа, за угощение.

Подгорный-старший раздраженно махнул рукой.

– Сядь, мы настоящий разговор еще не начинали. Это так было, лирическое отступление.

Максим опустил в кресло. Он понял, что сейчас тема разговора переменится, и это его успокаивало.

– Поговорим о деле. – Сергей Николаевич уже был абсолютно спокоен. – Я сегодня утром был у губернатора. На носу выборы, ты в курсе?

Макс только усмехнулся в ответ.

– А чего ты улыбаешься? Смешно? Ну, считай, мне тоже смешно, – отец холодно смотрел на сына, – по всей стране будет большая рекламная кампания этого вашего бородача.

– Да не мой он, отец!

– Раз голосовал, значит, уже твой... и всех ваших партийных жополизов, – Подгорный-старший мрачно усмехнулся, – значит, теперь и мой тоже. Продвигать его будут очень активно. По области тоже реклама будет везде. Мне вот копию флешки сделали, там ролики для радио и информационные материалы для телепередачи. Губернатор попросил, – Сергей Николаевич выделил голосом слово «попросил», давая понять, что в этой просьбе отказывать нельзя, – чтобы ты лично проконтролировал весь сюжет, монтаж и чего там еще у вас есть. Их герой должен стать нашим героем. Так что действуй, сынку.

– А что ж мне напрямую не передали? – осторожно поинтересовался Максим.

– Ну так и я не на кривую, наверное, к этому делу отношение имею, – возмутился отец. – Был я у губера по другим вопросам. Ну и это заодно обсудили. Установка дана жесткая, – уже спокойнее продолжил он, – за отклонения от нужной политики грозят всеми карами, причем больше земными. Так что еще раз повторю – все сделай, как просят, и действуй аккуратно, не побрезгуй, если в чем сомневаешься, и папке позвонить. Папка, он ведь всегда тебе подсказывал, как уроки правильно делать.

Максим вышел из ресторана недовольный ни собой, ни разговором с отцом. Несмотря на то что младший Подгорный был в числе делегатов партийного съезда от области, губернатор, передав материалы к выборам через отца, показал ему дистанцию, которая пока отделяет его от узкого круга региональной элиты. Но больше всего Макса разозлило то, что отец коснулся их отношений с Мариной. Это было впервые, и Максима вывело из равновесия. Раздраженный, он сел за руль «гелендвагена», и черный автомобиль, взревев мощным мотором, резко вклинился в поток транспорта. Сзади кто-то недовольный засигналил, но Макса это абсолютно не интересовало. Проскочив на желтый сигнал светофора, он за несколько минут домчался до центра города и там уперся в хвост традиционной обеденной пробки, растянувшейся на несколько кварталов.

В итоге, когда Подгорный-младший добрался до парковки названного именем знаменитого барда бизнес-центра, где находился офис его медиакомпании, настроение его было еще хуже. Расстояние, которое можно покрыть за десять минут, он преодолевал почти час, успев за это время не раз обmaterить и губернатора, и обеденные пробки, и вечный ремонт и без того не самых широких улиц родного города. Заняв свое место на парковке, Макс некоторое время еще сидел в машине, тщетно пытаясь успокоиться. Но раздражение не проходило. Поняв, что ему необходимо выпустить свою злость на кого-то из посторонних, Подгорный направился к лифтам. Поднявшись на тридцать третий этаж небоскреба, Максим быстрым шагом прошел в свой офис, сухо кивая здоровающимся с ним сотрудникам. Лена, его секретарша, маленькая стройная блондинка, работающая у него всего три месяца и с которой он переспал еще в день ее приема на работу, радостно вскочила, увидев шефа. Ее он не удостоил даже кивком.

– Кофе, – коротко бросил Максим и с силой захлопнул за собой дверь кабинета.

Разблокировав компьютер, Подгорный вставил флешку в гнездо и начал просматривать загруженные на нее файлы. Через несколько минут Лена принесла кофе, Подгорный кивнул ей, показывая, чтобы она поставила чашку на стол, и вновь погрузился в работу. Лена тихо вышла из кабинета. Просматривая материалы, Максим несколько раз презрительно фыркнул. Иногда он отвлекался на то, чтобы сделать глоток-другой кофе. В очередной раз потянувшись за чашкой и обнаружив, что она уже пуста, он нажал кнопку селектора.

– Да, Максим Сергеевич. – Тоненький Ленин голосок был, как всегда, ласков и предупредителен, но Максима в данный момент это только злило.

– Что «да», Лена? Где кофе? Чашка пустая уже давно!

Покрасневшая Лена мгновенно вошла в кабинет, чтобы забрать посуду.

– И вызови ко мне быстренько обоих редакторов и Шевцову, только быстренько, Лена, шевели юбкой! – Максим не скрывал своего раздражения.

Через несколько минут Лена вновь подала кофе, а выходя из кабинета, ей пришлось посторониться и уступить дорогу входящим. Их было трое. Первой в кабинет быстрым шагом вошла основной репортер медиахолдинга и главная звезда телеканала Настя Шевцова, за ней следовал главный радиоредактор Сергей Пospelов. Последним в кабинет неторопливо, с достоинством, буквально внес свое дородное тело главный редактор телевизионного канала Юрий Борисович Сокольский. Старше Максима почти на двадцать пять лет, он был одним из немногих сотрудников медиахолдинга, работавших в нем со дня основания. Возглавив холдинг и получив от отца карт-бланш на управление, Максим хотел уволить вечно неопрятного, постоянно потирающего потные руки Сокольского в первый же месяц, однако, выполняя обещание отцу в течение пары месяцев присмотреться к людям, не стал торопить события. И не пожалел. Юрий Борисович оказался не только профессионалом, в чем и так не приходилось сомневаться, он обладал удивительной способностью находить взаимопонимание даже с теми людьми, которых в принципе, казалось, понять невозможно, и компромисс там, где его и вовсе не могло быть. Он никогда не пытался давить на Максима ни своим возрастом, ни богатым опытом, соглашался с ним по большинству спорных вопросов, но иногда Максим, глядя в спину выходящему из кабинета редактору, понимал, что принял то решение, за которое изначально и выступал Сокольский.

Сейчас Сокольский неторопливо прошествовал к своему любимому креслу, которое в его присутствии никто не смел занимать, и опустился в него с таким выражением лица, что сразу становилось понятно: этот человек точно знает, что сидеть гораздо лучше, чем стоять. Остальные также заняли свободные места и, ожидая начала разговора, смотрели на шефа. Максим на мгновение задержал взгляд на коленях Анастасии, которые были видны из-под короткой юбки, вздохнул, заметил ответный недовольный взгляд и широко улыбнулся всем присутствующим.

После просмотра материала первым нарушил молчание Пospelов:

– Ну что тут скажешь, материалчик, конечно, тухленький, персонаж мраченький, радиоролик бодренький. Так что мне проще всех. Поставим, покрутим. Хотя, конечно, – тут он немного замешкался, – хотя, конечно, брезгливенько.

– Ну да, мы же не Первый канал, так искренне врать не научились пока, – бросила Анастасия, – хотя, может, кому-то это и проще простого. – Она возмущенно посмотрела на Подгорного.

Максим промолчал. Настя целых три года была его любовницей, до тех пор, пока всего две недели назад не застала его поздним вечером в своем кабинете. Макс задумчиво сидел в мягком кресле и что-то разглядывал в темном вечернем небе за окном. В этом в принципе не было ничего необычного и зазорного, за исключением маленькой детали, которую звали Лена и которая стояла на коленях прямо между раздвинутых ног своего шефа. С тех пор отношения бывших любовников были близки к состоянию холодной войны, которая в любой момент могла перейти в стадию открытых бое столкновений. И, похоже, этот момент настал.

– Настя... Анастасия, – поправился Максим, – мы тут работу работаем, конкурса «Мисс Принципиальность» у нас тут нет. И не будет, знаешь ли.

– А жаль, хоть вспомнили бы, что такое принципиальность, – огрызнулась Анастасия, – это не вредно было бы.

– Давай ближе к делу. – Максим нервно теребил в руках карандаш.

– А ближе к делу, то это просто позор для журналиста – делать такой материал с таким персонажем. Радиоролик тоже позор, но это как бы на правах рекламы, к журналистике отношения не имеет. А сюжет на ТВ – это авторский материал, и делать такую работу ни один уважающий себя журналист не будет!

– Да сейчас по всей стране в каждом регионе сидят уважающие себя люди и делают такие материалы, – вспыхнул Подгорный.

– Лично я и не сомневалась, что порядочных людей маловато осталось, в журналистике и подавно, – парировала Анастасия, – а среди начальства, наверное, и вовсе все вывелись.

Сокольский и Поспелов переглянулись, но в дискуссию вступать не спешили. Максим, сдержавшись, глубоко вздохнул и, пристально глядя на Анастасию, произнес:

– Мы должны подготовить этот сюжет. Я на вас стараюсь не давить, но это задание напрямую от губернатора, а он его получил из столицы.

– Да уж, все зло в страну приходит из столицы, – пробормотал Сокольский, по привычке потирая потные руки.

– А им из Северной столицы надувает, – хохотнул в ответ Поспелов, но быстро осекся под ледяным взглядом Максима.

– Вы что хотите делаете, а я в этом позоре принимать участие не буду. – Анастасия явно не собиралась идти на уступки.

Подгорному ничего не оставалось делать, и он обратился к Сокольскому:

– Юрий Борисович, наша уважаемая Анастасия... Сергеевна никак не может понять, что мы все вместе работаем в команде. Поэтому я прошу вас до конца рабочего дня либо убедить нашего прекрасного журналиста изменить свое мнение, либо решить, кто из менее прекрасных, но более адекватных сотрудников будет работать на этом проекте... – он немного помолчал, бросив взгляд на Настю, – а заодно и в эфире вечерних новостей.

Сокольский удивленно посмотрел на Максима, его бровь дернулась, а губы сложились трубочкой, словно он собирался надуть невидимый шарик. Но ответить Юрий Борисович так ничего и не успел. Настя, оттолкнув стул, стремительно вскочила на ноги. От возмущения она покраснела и судорожно сжимала в руках телефон, который должен был уже вот-вот треснуть от такого напряжения.

– Ну ты и подлец, – процедила журналистка. – Что же, я уйду, может, тогда твоя соска и эфиры вести будет.

Все ошарашенно молчали. Настя, не глядя ни на кого, выскочила из кабинета. Раздался оглушительный грохот ударившейся о косяк двери. Сокольский, очевидно, закончил надувать свой виртуальный шарик. Он грустно посмотрел на Максима и не менее грустно произнес:

– Знаете, Максим, а я ее понимаю.

– Я ее тоже понимаю... в какой-то степени, – огрызнулся Подгорный, – но ведь работать надо. Есть задание, и его надо выполнить. Уж вы-то взрослый человек. Вы должны понимать.

– Да, Максим, вы правы, я взрослый человек. Мне ведь уже шестьдесят два. Но силы еще остались на несколько лет, и хотелось бы доработать эти годы в этой редакции.

– Ну уж вам-то, Юрий Борисович, точно ничего не угрожает, – нахмурился Максим.

– Разрешите, я договорю, немного терпения. – Сокольский достал платок, чтобы протереть очки, и сейчас его круглое белое лицо с часто моргающими глазами обрело какую-то детскую беззащитность. – Мы с вами живем в эпоху компромиссов. Мы спорим, приходим к согласию. Несогласных сейчас не сжигают на костре, ну разве что поливают зеленкой. Это замечательно. Гуманизма стало явно больше, чем сто или двести лет назад. Но что мне не нравится, так это то, как мы легко стали приходиться к этим компромиссам. Мы слишком легко соглашаемся с тем, с чем внутренне не согласны. Лишь бы идти по пути карьерного или финансового роста. Порой еще мы спотыкаемся о свои принципы, но обычно быстро вскакиваем и продолжаем идти вперед.

Сокольский водрузил очки на их постоянное место и стал более уверенно смотреть на окружающий его мир.

– В девяносто первом году, в августе, я был по работе в столице и совершенно случайно оказался возле Дома Правительства во время путча. Я даже видел Бориса на танке. Правда, я

стоял довольно далеко, большого Бориса видно было плохо, но зато знаете, что я увидел? Я увидел в людях надежду. Что их жизнь изменится. В тот момент слова «свобода» и «демократия» не были ругательными, тогда они пьянили нас всех. Только вот пьянили они не долго, а потом вся страна стала жить в каком-то угрюмом похмелье, и похмелье это никак не проходит. Ушли бандиты, ушли дефолты, а похмелье от этой свободы, которую мы так толком и не попробовали, оно осталось. И нам всем активно внушают, что все, что есть от этой свободы, – это только долгое и мучительное похмелье. И теперь мы этой свободы уже и сами то ли не хотим, то ли боимся. Уже целое поколение выросло, которое, кроме нынешней серости, ничего и не видело, но я ведь помню, что тогда, в девяносто первом, мы хотели чего-то другого. Не того, что имеем сейчас и что, простите меня, имеет нас.

– Знаете, Юрий Борисович, – Максим нетерпеливо перебил Сокольского, – это все очень интересно, но, может быть, не сейчас? Работа. Она ведь не ждет. Точнее, она как раз ждет всех нас!

– Максим, я сейчас договорю, – неожиданно заупрямился Сокольский. Было видно, что нахлынувшие воспоминания что-то разбередили в его душе, и это что-то рвалось наружу, и удержать это Сокольский и не мог, и не хотел. – Так вот, после девяносто первого года прошло еще некоторое время, и началась первая война на Кавказе. Столько лет уже прошло с того времени, что многие уже не помнят, да и не хотят особо вспоминать, что и как там было. И я бы тоже, может быть, не вспоминал, но, видите ли, Максим, – голос Сокольского задрожал, – у меня был сын от первого брака, Егор. Егор Юрьевич Сокольский. У меня к тому времени уже был новый брак, и я Егору уделял очень мало внимания, очень мало, и он рос абсолютным шалопаем. И после школы он не поступил в вуз, а ушел в армию. Это был девяносто четвертый год. В девяносто пятом его отправили в горы. А в девяносто шестом, за два месяца до демобилизации, он погиб. Я не знаю, как это произошло, добиться чего-либо от военных было невозможно. По времени это совпало с самыми ожесточенными боевыми действиями. Никто из вас, наверное, и не помнит, когда это было, верно? И за это никто, слышите меня, никто не ответил. А этот человек, которого вы сейчас собрались рекламировать, только спустя годы вместе со своим многомудрым папенькой переметнулся на сторону победителей. А теперь вы делаете из него героя? Теперь вы делаете из него президента? И это правильно? А мой сын не стал героем, и никогда не станет. Он стал никем. Он стал телом в гробу! – На последней фразе голос Сокольского перешел на визг, обратившийся в рыдания. Старый толстый главред рыдал во весь голос, растирая слезы толстыми пальцами и громко шмыгая носом.

Стоявшая в дверях Лена бросилась в приемную и через несколько мгновений вернулась со стаканом воды и пачкой салфеток. Сокольский молча взял салфетки и, не стесняясь, высморкался.

– Вы меня извините, Максим, но здесь я вам не помощник. Поищите другого.

– Хорошо, значит, поищем, – неожиданно для себя самого огрызнулся Максим. – Вы, Юрий Борисович, придите в себя. А потом мы продолжим наше общение в более конструктивной, так сказать, форме. А если не захотите, то не продолжим, это касается, кстати, и всех остальных. Сидеть здесь уговаривать я никого не буду. Через полчаса жду вас всех по новой. И будем общаться только по делу. Кстати, дорогой мой Юрий Борисович, я, конечно, помоложе вас буду, но знаю, что время идет и люди меняются. Если начать ковыряться в истории, кто там и чем раньше занимался, так такого наковырять можно, что лагеря охранять некому будет – все внутри окажутся. И вы все это знаете. Всё! Вечер воспоминаний объявляю закрытым. Время пошло.

Сокольский с трудом поднялся из кресла. Подскочивший Пospelов помог ему встать. Главред глубоко вздохнул и негромко произнес:

– Жаль, что все так сложилось... и тогда, и сейчас... Жаль. Но ничего не изменить в прошлом, а свое будущее вы можете уродовать без меня. Прощайте, Максим, и всего вам доброго.

Максим молча проводил взглядом сутулую спину выходящего из кабинета Сокольского. – Может, еще кто желает примкнуть к беженцам? – громко крикнул Подгорный.

Поспелов молча взглянул на часы, словно отмечая начало получасового перерыва, и, не сказав ни слова, последовал за остальными.

– Потому что нельзя, трам-пампам, потому что нельзя, трам-пампам, потому что нельзя быть на свете уродом таким, – пропел Макс и, подойдя к распахнутой двери кабинета, с силой захлопнул ее. Гулкий грохот разнесся по всему офису.

Вернувшись домой, Подгорный долго бесцельно слонялся по расчищенным дорожкам огромного, с полгектара, участка. Чувство душевного опустошения, охватившее его сразу после разговора в редакции, упорно не уходило. В голове словно кипел котел с черной тугой вязкой жидкостью, которая поднималась пузырями мыслей, а те лопались, обдавая Максима невидимыми черными брызгами грязи. И грязь эту было никак не смыть, так как она была внутри.

Оказывается, изменять самому себе – это больно. Наверное, так же больно, когда тебе изменяет любимый человек. А что бы почувствовала Марина, если бы узнала обо всех его похождениях? К чувству досады и разочарования после конфликта с сотрудниками теперь прибавилось и неожиданное чувство вины перед женой. Максим никогда не был сторонником самокопания. «Наш паровоз вперед летит!» – любил приговаривать он, предпочитая оставлять за бортом весь тяжелый груз своих обид и разочарований и еще больший груз обид и разочарований тех, кто не успел увернуться от его паровоза. Однако сейчас в голове Максима словно прорвало невидимую плотину, и сквозь образовавшуюся промоину на него ринулся тяжелый поток сомнений и переживаний.

Подгорный понимал, что сегодня он попросту сломал об колено весь сложившийся коллектив своей редакции. Вряд ли эти люди уволятся, в городе не так просто найти вакансию, связанную с журналистикой, а в столицу мало кто решится поехать. Но прежней редакции уже не будет, это было очевидно. Не будет ни взаимного понимания, ни взаимного доверия. Все это он разрушил в один день. Его паровоз промчался вперед, вот только Максим сам очень сомневался в правильности выбранного им пути. От досады он пнул изо всех сил валявшуюся на дорожке сосновую шишку, но легче от этого не стало ни на секунду.

«Мы сами себя в говно макаем и хотим, чтоб все радовались, – угрюмо подумал Максим, – а я впереди всех бегу с мегафоном и дорогу показываю... ну не идиот ли?!»

На высокую сосну рядом с ним сели две сороки, и их крики наполнили собой всю округу. Птицы возбужденно перепрыгивали с ветки на ветку, то сближаясь, то вновь несколько отдаляясь друг от друга, а их болтовня становилась все громче.

– Я реально глупее сороки, – Макс смотрел на прыгающих птиц, и ему стало немного легче, – те просто живут и радуются. И никого в дерьмо не макают... Сороки, а вы ложки тырите? – вдруг крикнул Макс, но птицы не обратили на него никакого внимания. Он был слишком далеко внизу, а они были слишком поглощены собою, чтобы отвлекаться на какого-то человечешку. – Вот ведь наверняка тырят, – с усмешкой пробормотал Максим. Он, конечно, никогда в жизни не видел сороки, летящей с ложкой в клюве, но сказка, услышанная в раннем детстве, неожиданно всплыла в голове.

Подгорный-младший наклонился, поднял с земли еще одну сосновую шишку и, сильно размахнувшись, кинул ее в сторону расшумевшихся птиц. До сорок он, конечно же, не добросил, зато потянул плечо, а шишка, ударившись о ствол дерева, упала вниз, обратно ему под ноги. Среагировав на шум, обе птицы улетели, а Макс остался стоять один посреди двора, потирая разболевшееся плечо.

Постояв немного в задумчивости, он достал из кармана мобильный и позвонил жене. Марина ответила не сразу. Максим уже хотел отключить телефон, когда гудки в трубке сменило молчание, потом послышалось сухое «Да?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.